

ББК 74.03

А.В. Климова

Основные этапы семейного воспитания молодого поколения в Западной Сибири во второй половине XIX — начале XX в.*

A.V. Klimova

Main Stages in the Upbringing of Young Generation in Western Siberia in the Second Half of the XIXth — the Beginning of the XXth Centuries

Статья посвящена общей характеристике семейного воспитания детей горожан Западной Сибири в дореволюционный период. Рассматриваются четыре основных этапа внутри периода социализации молодого поколения от рождения до вступления в брак.

Ключевые слова: семья, Сибирь, XIX в., молодое поколение, воспитание.

The article is devoted to the general characteristics of family upbringing of citizens in Western Siberia in the pre-revolutionary period. There were four major phases within a period of socialization of young generation, from birth to marriage.

Key words: family, Siberia, XIX century, young generation, education.

Семейное воспитание — это фундамент, на котором строится вся жизнь. И от того, насколько добретен и тверд этот фундамент, зависит очень многое в судьбе человека. Важность семьи как института воспитания обусловлена тем, что в ней ребенок находится в течение значительной части своей жизни, и по длительности своего воздействия на личность ни один из институтов воспитания не может сравниться с семьей. В ней закладываются основы личности ребенка.

В традиционном обществе институт семьи играл исключительно важную роль. Семейные отношения горожан во второй половине XIX — начале XX в. были преимущественно патриархально-авторитарными. Важную роль играло правовое неравенство женщин в российском обществе, что порождало неограниченный произвол главы семьи по отношению к жене и детям. Низкий уровень культуры и образования населения, социально-сословная замкнутость жизни семьи усиливали своеволие главы семьи. Особенно ярко это могло проявляться при решении вопросов о брачном выборе детей, их образовании, профессиональной деятельности, наследовании и т. д. [1, с. 99–119].

Отношение к детям в целом было авторитарным, жестоким. В рабочих и малообеспеченных семьях детей могли нещадно эксплуатировать для увеличения благополучия семьи. Для исправления строптивых и непослушных детей по закону и обычаю могли физически наказывать [2, с. 259–260]. Это было присуще семьям практически всех социально-сословных

групп российского общества. Вообще в дореволюционной России методы воспитания детей не отличались гуманизмом. Такая система воспитания подрывала эмоциональную привязанность и близость между детьми и родителями. В то же время в Сибири, как показывают источники, отношение к детям было более мягким, о сибиряках писали, что они «детей не держат в строгости, их балуют» [3, с. 69].

В изучаемый период для детей городских, как и для крестьянских, был характерен традиционный тип социализации, сложившийся еще в предшествующую эпоху. Данный тип социализации существенно влиял на формулирование целей и задач воспитания детей. Его основные положения, такие как ориентация на старину как на образец, непрерываемый авторитет родителей и беспрекословное подчинение старшим; любовь к Богу, царю; любовь к труду — оставались и держались долгое время, потому что город в течение всего изучаемого периода подпитывался идеями приезжих крестьян, которые они приносили в городскую культуру из деревни.

Возрасту «полноты» — полной зрелости человека в 20–21 год предшествовало несколько категорий детства и юности, довольно явно выделявшихся в реальном процессе социализации [4, с. 157].

Самый ранний этап воспитания детей (до 3–4-х лет) обозначался терминами «пестование», «водня». Из поколения в поколение передавалась и шлифовалась поэзия пестования (колыбельные песни, пестушки, потешки, прибаутки и докучные сказки) — эффективное

* Работа выполнена при финансовой поддержке ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» (проект «Алтай в трансграничном пространстве Северной Азии (древность, средневековье, современность)», шифр №2012-1.1-12-000-3001-017.

средство первоначального умственного, эстетико-эмоционального и волевого развития ребенка [4, с. 158]. С первой заботой о здоровье ребенка опосредованно шло и его воспитание, прежде всего через колыбельную песню. Колыбельные пели всем детям, независимо от их социального положения. Уже в колыбельных песнях и детских потешках сибирские «пестуны» знакомили «дитю» с тем, что делается в доме и во дворе, что окружает человека в природе [5, с. 71–74]. Однако в грудном возрасте упор делался не на вербальную слуховую и зрительную информацию, а на тактильную (осязательную). Многочисленные похлопывания, пощипывания малыша, столь свойственные каждой матери, фактически были не просто проявлением нежности, а запрограммированным природой необходимым процессом настойчивого и осторожного пробуждения мозга [6, с. 127].

Осуществлялся небогатый набор необходимых операций по уходу за ребенком: кормление грудью или из рожка, мытье, пеленание, лечение, укачивание до года в колыбели, а потом в подвешенной к потолку зыбке. Однако большинство матерей не имели понятия о том, как правильно ухаживать за своими детьми, что приводило к высокой смертности детей, ещё даже не вышедших из колыбели.

Во второй половине XIX в. до Сибири стали доходить издания, посвященные пропаганде «правильного, разумного воспитания детей». Например, в книгах В. Н. Жук «Мать и дитя», Е. А. Покровского «Об уходе за малыми детьми», Ф. Гебера «Гигиена семьи» и других в простой и доступной форме сообщались необходимые и полезные для каждой матери сведения, касающиеся рождения и дальнейшего воспитания ребенка [7, с. 135].

Из-за того, что многие матери в условиях городов вынуждены были работать, их занятость приводила к уменьшению времени общения с маленькими детьми, причем часто их оставляли с малолетними ребятами или стариками. Нередко родители принимали в качестве нянек чужих детей, обычно девочек-подростков из более бедных семей. Данные условия не только наносили большой ущерб делу воспитания, но и были причиной высокой детской заболеваемости и даже смертности. Например, в Томском листке описывался ужасающий случай под заголовком «Шестилетняя убийца»: мать «уходя к соседям по делу, оставила, как это всегда водится в семье, одних малолетних детей» и старшая «6 лет девочка нанесла смертельные раны ножом двум своим младшим сестрам 2 и 4 лет» [8, с. 2–3].

На втором этапе (в возрасте примерно с 4 до 8 лет) важнейшим средством воспитания были детские игры, игрушки. Старшие обеспечивали детей лишь небольшой частью игрушек и инвентаря для игр, предоставляя им возможность остальное находить и изготавливать самим.

В конце XIX в. появляются игрушки, которые можно отнести к категории развивающих, началось производство механических игрушек (зайцы с барабанами, кузнецы, коровы, которые умели мычать, игрушки с музыкой и др.) [9, с. 61].

Одной из самых распространенных игрушек были куклы, ими играли не только девочки, но и мальчики. Такие игрушки очень важны для процесса воспитания, потому что, играя в куклы, дети многократно «примеривали» на себя, «разыгрывали» свои будущие семейные и общественные роли, совершенствовались в этикете, приобретали навыки общения.

Наибольшее воспитательное значение представляли собой так называемые подвижные игры, требующие самого обширного использования всех духовных и телесных сил. В спортивных играх выковывались эмоции и волевые качества — терпение, выносливость, упорство, умение постоять за себя и за друга, коллективизм, стремление к победе, великодушные по отношению к побежденному и др.

Роль игры в воспитании детей во второй половине XIX — начале XX в. была огромна, поскольку влияние специальных воспитательно-образовательных учреждений в этот период было еще незначительным. Игры детей горожан разных социально-сословных групп несколько различались в зависимости от достатка семьи и положения в обществе. Так, дети рабочих проводили время следующим образом: «...мы шумной воробьиной стайкой азартно играли в бабки. Ноги коровьи — была самая дешевая мясная пища, и у каждого за зиму бабок накапливалось много. Вытаивали и просыхали площадки, бабки сменялись городками. Дети чиновников жили скучнее. Для них в роще была расчищена крокетная площадка, и мы с удивлением смотрели, как они катали шары, занятые, по-нашему, скучнейшей игрой. Они же с завистью смотрели на наши примитивные, но полные огня и движения игры и пытались кинуться в нашу компанию, но строгий окрик мам и нянь осаживал их» [10, с. 36].

Важнейшую роль играло совместное со старшими проведение досуга. Длинными зимними вечерами члены семьи, собравшись вместе и не оставляя индивидуальных занятий, пели, рассказывали сказки, загадывали друг другу загадки. Мещанин П. Кочнев, вспоминая о своем детстве в семье родителей — жителей Тюмени Тобольской губ. во второй половине XIX в., рассказывает: «Когда они (родители) бывали в гостях у своих или кто-то был у них в гостях, особенно в большие праздники, или именины, то они всегда пели. ... Отец и мать за работой также часто пели, а мы, еще, будучи маленькими, им подпевали» [11, с. 128]. Нравственные наставления взрослых приобретали, таким образом, опосредованный характер, облекались в художественную форму и потому были очень действенными.

Третий этап воспитания (8–15 лет), для многих детей знаменовался началом обучения, для кого-то оно было домашним, другие дети поступали в учебные заведения. Но была и такая категория городских детей, которые нигде не учились, а по причине материального положения своей семьи вынуждены были с раннего возраста работать.

Конечно, еще раньше в большинстве семей ребята привлекались к тем или иным работам в доме, во дворе или огороде. Однако именно с 7–8 лет, когда немного окрепли физические силы ребенка, его участие в хозяйственной жизни семьи становилось делом повседневным и обязательным, причем со временем это участие последовательно усиливалось.

Можно согласиться с теми исследователями, которые при характеристике трудового воспитания у сибиряков выделяют в старшем детском возрасте две ступени: формирующую и основную, причем Н. А. Миненко считает началом второй ступени 10 лет [12, с. 112], а Т. И. Березина — 11–12 [13, с. 18]. Как и все другие возрастные границы внутри периода социализации, эта грань может быть проведена в значительной степени условно и приблизительно, но она имеет обоснование и в прямых указаниях источников. Например, бийский окружной исправник Томской губ., представляя сведения о благосостоянии населения за январь 1897 г., писал: «Родители детей своих до 10-летнего возраста держат в послушании; а от 10 до 20-летнего возраста дети образ жизни ведут трудолюбивый и из повиновения родителей не выходят, семейные же несогласия если и случаются в семьях, то с детьми, перешедшими этот возраст (20 лет)» [14, л. 21].

Старшим детям на второй ступени их трудового воспитания уже поручались обязанности, которые, кроме них, некому было выполнить, и они в реальной практике познавали меру своей ответственности за благосостояние всех «домашних», за жизнь и здоровье «маленьких», за порядок в избе. Будучи не «понарошку», а всерьез введенными в семейное и общественное производство, в реальные семейно-экономические, а через них — в общественно-экономические отношения, дети «сызмальства» усваивали не только технологию трудовых процессов, но и свое место, позицию своей семьи в экономических отношениях [4, с. 162].

Раннее привлечение детей к труду, прежде всего в бедных семьях, было объективной экономической необходимостью, так как этого требовало многопрофильное хозяйство либо крайняя нужда. П. Кочнев был выходцем из бедной мещанской семьи, и его заработок играл не последнюю роль для семьи: «Я помню, что носил свечи продавать по улицам города. Ходил часа по три перед вечером и выручал копеек 40–60. ... кроме свеч носил на базар продавать молоко, лук, морковь, свеклу, укроп и прочее» [11, с. 30].

Привлечение детей к труду было еще и своеобразным педагогическим приемом, призванным обеспечить успешное трудовое воспитание подрастающего поколения. В процессе последнего частично стихийно, частично целенаправленно, путем сознательных усилий старших и младших, осваивались производственные навыки, отношения, нравственные ценности трудовой среды. Так, например, в семьях, где отношения родителей и детей строились на доверии, детям позволялось зарабатывать деньги на карманные расходы, что способствовало их экономической социализации.

К моменту вступления в подростковый возраст дети обычно уже владели основами большинства знаний и умений, необходимых для того, чтобы вести дом и хозяйство. Однако опыта хозяйственных работ у них имелось еще маловато, физические возможности были небольшими.

Четвертый этап (от 15 лет — до 19–20 лет) — время созревания. Подростки продолжали входить во все тонкости тех дел, которые им поручались с детства. Но теперь они приобщались и к таким трудовым операциям, которые требовали большой физической силы, выносливости, длительного расставания с домом.

Заниматься мелочной торговлей в лавке мальчики начинали с раннего возраста и к 15–16 годам могли уже совершать самостоятельные коммерческие поездки в другие города, вести конторские книги, покупать и продавать партии товаров, были, как говорили в то время «исправными торговцами». Успешность социализации детей оценивалась родителями по тому, насколько они прониклись духом «хозяина» [15, с. 243–244].

Девочек-подростков в некоторых семьях привлекали к приготовлению пищи на всю семью. Однако в некоторых местностях во многих семьях девочек и девушек до замужества к приготовлению пищи не допускали, — они учились кулинарному искусству у свекрови и старших снох уже в доме мужа, только помогая им на первых порах [16, с. 188, 192].

Уже на подростковом этапе социализации начиналась подготовка к следующему важному шагу в жизни: будущей свадьбе и супружеской жизни молодых. Девочкам нужно было изготовить большое количество приданого — в основном «тканины» и вышивки разного рода. Пряли, вышивали, ткали холсты девочки зачастую на своих коллективных «посиделках». Здесь же иногда присутствовали девушки постарше, взрослые женщины со своим «задельем», и было много разговоров о любви, женитьбе, семейной жизни [4, с. 163].

Для значительной части молодежи выход из подросткового возраста в молодежный совпадал со вступлением в брак и затем — созданием собственной семьи. У большинства же до брака оставалось еще некоторое время. Оно проходило обычно в неустан-

ном труде в хозяйстве родителей или старшего брата, а с 21 года у многих парней — на армейской или казачьей службе.

Вплоть до конца XIX в. в небольших провинциальных городах действовал обычай вступления в брак с помощью сватовства и свадьбы-венчания. Браки «самокруткой», т. е. по личной договоренности жениха и невесты, без предварительного на то согласия родителей, встречались чрезвычайно редко, общественное мнение относилось к ним враждебно, считая их противозаконными и безнравственными [17, с. 278]. Так, бийский полицейский чиновник Е. П. Клевакин в своих «Отрывках из бийской жизни» приводил факты того, что в конце XIX в. встречались случаи, когда даже сыновья купцов женились уже без благословения (фактически против воли) родителей. Так, например, вступил в законный брак с дочерью отставного военного офицера сын богатого бийского купца А. М. Сычев. Родители «были весьма недовольны женитьбой сына, во-первых, потому, что он женился без благословения и, во-вторых, потому, что он взял не ровню, не из купеческого семейства, но скрепя сердце простили сына и сноху, и приняли в свое семейство» [18, л. 22об.]. Хотя подобные случаи еще не стали в то время общепринятыми и вызывали негативное отношение, сам факт женитьбы против воли родителей, неслыханный ранее, означает многое.

Во второй половине XIX в. существовал такой обычай: «если жениху необходимо было присмотреть невесту, а невесте — жениха, то следовало ходить в большие престольные праздники по церквам. Здесь во время службы, а особенно при выходе из церкви после обедни можно было увидеть тех и других очень близко» [11, с. 177].

К концу XIX — началу XX в. сложилась новая система предбрачного ухаживания, появляется си-

стема молодежного предбрачного общения. Однако знакомство и общение городской молодежи, достигшей брачного возраста, происходило в социально однородной среде. К примеру, в бедной мещанской среде знакомство завязывалось на вечеринках, молодежных сборищах типа крестьянских «вечерок». В более зажиточных и культурных семьях разночинцев и купцов было принято устраивать домашние вечера в честь именинниц и именинников. Знакомство и общение молодых людей проходило в присутствии старших, с пристрастием следивших, чтобы все соответствовало «приличиям». Дворянство и купечество помимо «именинных» праздников вывозило молодежь на семейно-танцевальные вечера и балы. Однако процессы демократизации не стоит преувеличивать. Новые формы предбрачного общения, без сомнения, имели такие каналы воздействия родителей, которые подчас регламентировали поведение молодежи не менее жестко, чем старые ритуалы [17, с. 278–279].

Как и все возрастные границы, эти грани внутри периода социализации могли быть проведены в значительной степени условно и приблизительно. Пройти эти этапы каждый ребенок мог по-своему, но было нечто общее и обязательное для них всех: семья являлась одним из условий успешно социализации ребенка. Семьи были различны, бытовой уклад горожан был связан с их образом жизни, и в первую очередь он определялся социальной принадлежностью: дворянство, чиновники и купечество составляли привилегированный слой, с присущими ему культурно-бытовыми традициями. Но было нечто общее для разных городских семей, ведь задачи и цели воспитания были, в общем-то, одинаковыми, как и педагогические принципы.

Библиографический список

1. Гончаров Ю. М. Историческое развитие семьи в России в XVIII — начале XX в. // REOSIANHAG (Chungbuk National University, South Korea). — 2012. — №8. — February.
2. Ядринцев Н. М. Детство // Литературное наследие Сибири. — Новосибирск, 1978. — Т. 4.
3. Чехов А. П. По Сибири (путевые очерки и письма). — Иркутск, 1939.
4. Зверев В. А. Дети — отцам замена: Воспроизводство сельского населения Сибири (1861–1917). — Новосибирск, 1993.
5. Мельников М. Н. Русский детский фольклор Сибири. — Новосибирск, 1970.
6. Волков Г. Н. Педагогика жизни. — Чебоксары, 1989.
7. Гончаров Ю. М. Повседневная жизнь горожан Сибири во второй половине XIX — начале XX в. — Барнаул, 2012.
8. Томский листок. — 1896. — №46.
9. Давыдов С. В. Влияние городской среды на процесс социализации подрастающего поколения губернских и областных центров Восточной Сибири во второй половине XIX века : дис. ... канд. ист. наук. — Иркутск, 2004.
10. Лясоцкий И. Записки старого томича. — Томск, 1954.
11. Кочнев П. Ф. Жизнь на Большой Реке: записки сибирского приказчика. — Новосибирск, 2006.
12. Миненко Н. А. Культура русских крестьян Зауралья. XVIII — первая половина XIX вв. — М., 1991.

13. Березина Т. И. Трудовое воспитание в народной педагогике русских крестьян Сибири (1861–1917 гг.) : автореф. дис. ... канд. ист. наук. — Новосибирск, 1991.
14. Государственный архив Томской области. — Ф. 3. — Оп. 44. — Д. 481.
15. Гончаров Ю. М. Сословная специфика гендерного семейного порядка в русском провинциальном городе второй половины XIX в. // Семья в ракурсе социального знания : сборник статей. — Барнаул, 2001.
16. Липинская В. А. Русское население Алтайского края. — М., 1987.
17. Гончаров Ю. М. Городская семья Сибири второй половины XIX — начала XX в. — Барнаул, 2002.
18. Государственный архив Алтайского края. — Ф. 77. — Оп. 1. — Д. 9.